

Константин Погудин

Полуночное солнце

Константин Погудин
Полуночное солнце

«Автор»

2026

Погудин К.

Полуночное солнце / К. Погудин — «Автор», 2026

Приключенческий роман о станциях. Книга десятая и последняя. Зима 1739 года. Геодезист Никифор Бельский шесть зим слушает на Таймыре одиннадцать ударов из-под земли и записывает их нотами. Мерсье и его друзья идут к нему через Белое море и ледяную тундру: последняя из одиннадцати станций откроется в день весеннего равноденствия, и отряду нужно успеть к Поющей горе. Но по следам идёт Ван Хорн, а среди своих кто-то тайно передаёт ему вести. Лёд ломается под ногами, хронометр уходит на дно реки, ночью лагерь горит. Остаётся одно: слушать. Финал десятилетнего цикла отвечает на вопрос, кто же слушает по ту сторону.

© Погудин К., 2026

© Автор, 2026

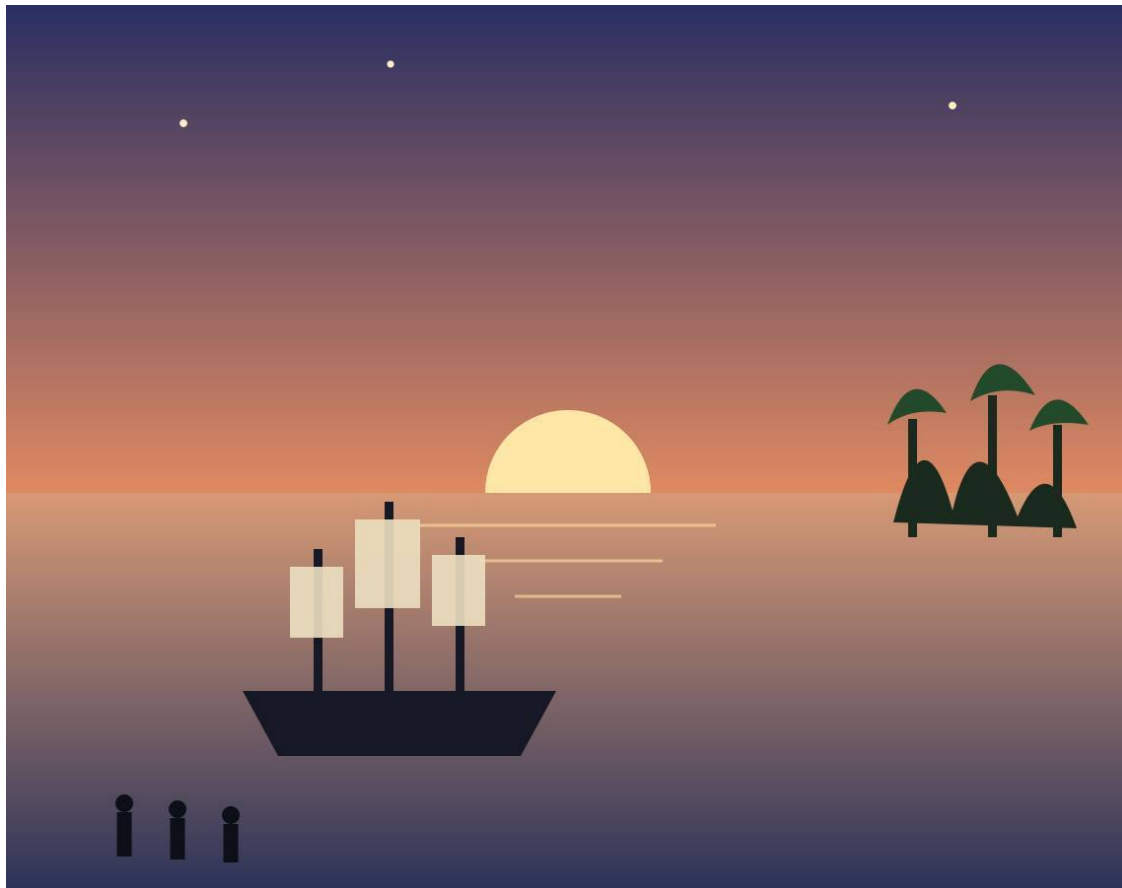
Содержание

Глава вторая. Архангельск	9
Глава третья. Белое море	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Константин Погудин

Полуночное солнце

Глава первая. Весна на Яве

«Эндрахт» вошёл в бухту Батавии в апреле, в тот час, когда над пальмами уже стоял жёлтый, влажный, тяжёлый зной, и после ледяного юга Мерсье показалось, что корабль плывёт по тёплому супу.

— Вы жаловались на холод, — сказала Эдда, стоя рядом у фальшборта. Она сняла бушлат и закатала рукава рубахи, и её бледные, исчерченные шрамами руки казались здесь, среди смуглых лодочников, почти прозрачными. — Теперь жалуйтесь на жару.

— Я не жалуюсь.

— Вы потеете.

— Это не жалоба, это наблюдение.

Брандт, сидевший на бочонке в тени грот-мачты, повернул голову на звук голосов. Он всё ещё не слышал ни слова, но за месяцы плавания научился угадывать, когда с ним говорят, по тому, как поворачиваются головы. Эдда улыбнулась ему и помахала рукой. Он кивнул.

Это были не друзья. Но уже и не враги.

На причале их ждали двое.

Ван Дейк стоял, опираясь на трость, в светлом полотняном камзоле, постаревший, поху-девший, с седой щетиной на щеках, и Мерсье не сразу узнал его: человек, которого он помнил толстым, суетливым, шумным, превратился в сухого, прямого старика с очень ясными глазами.

Рядом с ним, маленькая, строгая, в тёмно-синем саронге, держа руки сложенными перед собой, стояла Нини Ратна.

— Вы получили письма? — выкрикнул Мерсье, перепрыгивая на причал, едва лодка коснулась свай.

— Одно, — ответил Ван Дейк. — Второе не успело. — Он обнял Мерсье, неловко, по-стариковски, и тот почувствовал, как под рубахой у него дрожат плечи. — Девять станций. Господи, мальчик, девять станций.

— Десять.

— Что?

— Десять. — Мерсье отстранился, и голос его дрогнул. — Мы открыли десятую, подо льдом, на юге. Осталась одна.

Ван Дейк не ответил. Он только посмотрел на Нини Ратну, и она, всё так же молча, кивнула.

— Мы знали, — сказала она тихо. — Три недели назад земля начала петь иначе. Мы с мастером слышали это в саду. Словно кто-то открыл дверь, которая была заперта очень давно.

Они сидели в тени веранды старого дома Ван Дейка, и слуги разносили холодный чай с лаймом, и Мерсье рассказывал. Долго, с подробностями, с рисунками Бонвиля, расстеленными на плетёном столе. Про остров Пасхи, про каменных великанов, про лунный час и одиннадцать ударов. Про Эдду, про туман, про «Горгону», про ледяной собор. Про Брандта.

Когда он дошёл до этого места, Ван Дейк, до сих пор слушавший с закрытыми глазами, поднял веки.

— Корнелис Брандт, — повторил он медленно. — Секретарь ван Ромондта. Тот, что стоял за спиной у Ван Хорна на Цейлоне.

— Вы его знаете?

— Знал. Слышал. Человек с очень гладким голосом. — Ван Дейк повернулся и посмотрел вдоль веранды, туда, где под пальмой, чуть в стороне, сидел Брандт. — Он нас слышит?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем. С тысяча семьсот тридцать первого. — Мерсье помолчал. — Ван Дейк, он ключ. Последний. Я видел.

— Не сомневаюсь. — Старик помолчал. — Но не доверяю.

— Я тоже.

— Тогда зачем вы привезли его сюда?

— Потому что у меня нет выбора. — Мерсье потёр лоб. — Без него последний луч не загорится. А если загорится не вовремя, не там и не у тех...

— Он загорится у Ван Хорна, — тихо закончила Нини Ратна.

Все повернулись к ней.

— Вы не знаете, — сказала она, — что стало с Ван Хорном после Гималаев?

— Нет.

— Он не погиб.

— Я видел, как его... — Мерсье запнулся.

— Вы видели, как его унесла лавина. — Нини Ратна подняла на него спокойные тёмные глаза. — Это не одно и то же. Его нашли монахи в горном монастыре, через два месяца. Он потерял три пальца и половину зрения, но остался жив. Теперь он в Санкт-Петербурге.

Мерсье почувствовал, как холодеют руки.

— Откуда вы знаете?

— Письмо. — Ван Дейк потянулся к стопке бумаг на столе и достал оттуда запечатанный пакет, потёртый, пахнувший дымом. — Пришло три недели назад через русского купца в Макао. Не от Ван Хорна. От человека, которого я не знаю.

Он протянул пакет. Мерсье взломал сургуч.

Внутри лежал единственный лист, исписанный мелким, ровным, чётким почерком, по-французски, с чуть странными, книжными оборотами. Подпись стояла внизу: «Н. Бельский, геодезист, Таймырская партия Северной экспедиции».

Мерсье прочёл вслух:

«Милостивые государи! Пишу вам, потому что больше некому. Шесть зим я провёл на берегу Ледовитого моря, измеряя побережье по приказу Адмиралтейства. Шесть зим я слышал один и тот же звук из-под земли, на северной оконечности полуострова. Одиннадцать ударов, пауза. Я записал его. Я не знаю, кому писать. Но в бумагах покойного лейтенанта Прончищева я нашёл имя Нини Ратна, написанное его рукой. Он говорил, что если звук когда-нибудь станет громче, нужно ехать на юг и искать людей, которые знают.

Звук стал громче. Прошлой весной он перестал быть звуком и сделался голосом. Он говорит. Я не понимаю слов, но каждый раз, когда он замолкает, мне хочется идти туда, под землю, и спросить.

Ко мне приходили люди. Они называют себя представителями Компании, но говорят по-русски лучше меня, и у них чёрная печать. Они расспрашивают о звуке. Они платят золотом тем, кто согласится показать дорогу. Я не показал. Но я не знаю, сколько ещё смогу молчать.

Если вы читаете это, приезжайте как можно скорее. Приезжайте весной, пока лёд на Таймыре не растаял и не сомкнулся. Привозите тех, кто умеет слушать.

Н. Б.».

Мерсье опустил письмо.

— Чёрная печать, — сказал он.

— Печать Ван Хорна, — ответил Ван Дейк. — Её знают все, кто имел с ним дело.

— Значит, он идёт к станции.

— Давно идёт.

Вечером, когда жара спала и над садом зазвенели цикады, Мерсье вышел на веранду один.

Он не заметил, как рядом оказалась Хину. Босая, как всегда, она вышла из-за пальмы тихо, как тень, села на ступеньку и подтянула колени к подбородку.

— Вы не спите, — сказала она.

— Вы тоже.

— Я слушаю.

— Что?

— Сад. — Она положила ладонь на тёплую землю. — Здесь тоже поют. Тише, чем на льду. Но поют.

Мерсье сел рядом. Над ними, между кронами, медленно загорались звёзды: южные, огромные, тёплые. Он нашёл глазами ту самую цепочку из одиннадцати. Она стояла низко над горизонтом, спокойная, чёткая, и последняя звезда в ней, самая северная, была чуть тусклее остальных.

— Она будет гореть ярче, — сказала Хину, проследив за его взглядом. — Когда мы доберёмся.

— Вы уверены?

— Нет. Но мне нравится так думать.

Он усмехнулся, впервые за этот долгий день.

— Хину.

— Да?

— Вы пойдёте на север?

Она долго молчала.

— Я не знаю, что такое север, — сказала она наконец. — Я никогда не видела места, где солнце не заходит. Мне страшно и интересно одновременно.

— Это обычное сочетание.

— Для вас. — Она улыбнулась. — Для меня нет. Я привыкла бояться только того, что не слышу.

Из глубины дома, из открытого окна, донеслись голоса: глухой, ровный, мужской, и звонкий, поспешный, девичий. Ван Дейк объяснял что-то Брандту, медленно, чётко, лицом к лицу, шевеля губами так, чтобы тот мог прочесть, а Ууна, сидевшая рядом, переводила жестами то, что тот пропускал.

— Они уже подружились, — сказала Хину.

— Они обречены.

Хину тихо засмеялась. А над садом, над домом, над тёмной водой бухты, где покачивались огни кораблей, в вышине тихо, почти неслышно, зазвучала старая, знакомая нота: одиннадцатая, самая северная, самая далёкая из всех.

Она звала.

Глава вторая. Архангельск

Дорога на север заняла пять месяцев, и Мерсье потом почти ничего не помнил из неё, кроме холода, который с каждой широтой подползал всё ближе.

Они вышли с Явы в мае на «Эндрахте», обогнули Африку, прошли Ла-Манш, и в Амстердаме, где Ван Дейк за три дня вытащил из знакомых купцов разрешения, бумаги и два десятка тёплых шуб, пересели на крепкую торговую шхуну «Принцесса Мария», идущую с солью к Белому морю. Капитан, толстый рыжий фриз, смотрел на пассажиров с недоверием: восемнадцать человек, включая шесть женщин и одного глухого, да ещё с сундуками, где что-то звенело, а что-то гудело, как рой.

— Мы изучаем северное сияние, — объяснил ему Мерсье.

— В сентябре? — Капитан сплюнул за борт. — Сияние бывает зимой.

— Мы подготовительная партия.

— Вы дураки, — сказал капитан, но взял деньги.

Архангельск встретил их мелким холодным дождём и запахом смолы.

Город стоял на низком берегу Северной Двины, деревянный, серый, с золотыми луковками церквей, и казался Мерсье игрушечным после каменной Батавии. По набережной ходили бородатые люди в длинных кафтанах, пахло рыбой, дёгтем, сырой стружкой. На рейде стояли корабли Адмиралтейства, высокие, чёрные, с ещё не опущенными для зимовки реями.

— Нас должны встречать, — сказал Ван Дейк. Он постарел за дорогу ещё лет на пять, но держался прямо, опираясь на трость, и лицо его было упрямым. — Бельский писал, что будет ждать.

— Он знает, когда мы прибудем?

— Он ждёт каждый корабль с первого августа.

Они сошли на пристань. Дождь хлестал по лицам. Эдда в своём бушлате, надвинув на глаза шерстяную шапку, оглядывала порт опытным глазом.

— Здесь холоднее, чем я думала, — заметила она.

— Вы же норвежка.

— Я северянка, а не мазохистка.

Хину, закутанная в шубу до пят, стояла рядом и молча смотрела на воду. Она не жаловалась, не поёживалась, и только пальцы её, торчавшие из рукавов, были красные, как варёные раки. Брандт, не слыша дождя, шёл по пристани, глядя на лица прохожих, и Мерсье заметил, что он чуть улыбается.

— Что вас так веселит?

Брандт поймал взгляд, прочёл вопрос по губам.

— Они громкие, — сказал он. — Все. Видите, как открывают рты? Как рыбы. Я вижу каждое слово.

Бельский нашёл их сам.

Он вынырнул из дождя, как тень: высокий, сутулый, в потёртом зелёном мундире Адмиралтейства, в треуголке, с которой лилась вода. Лицо у него было длинное, узкое, с впалыми щеками и огромными, светлыми, чуть выпученными глазами. Он остановился в трёх шагах, отряхнулся, как мокрая собака, и вдруг, неловко, неуклюже поклонился.

— Господа. — Он говорил по-французски медленно, с красивыми книжными оборотами, но с твёрдым русским «р». — Позвольте. Я Никифор Бельский. Вы, должно быть, те, кого я ждал.

— Вы писали Ван Дейку, — сказал Мерсье.

— Да. Да, я писал. — Он вдруг взял Мерсье за рукав, быстро, судорожно, и зашептал: — Не здесь. Давайте не здесь. За мной следят.

— Кто?

— Люди в чёрных кафтанах. Двое. Вон там, у пакгауза.

Мерсье, не поворачивая головы, скосил глаза. У бревенчатой стены, под навесом, действительно стояли двое мужчин, высокие, широкоплечие, в одинаковых чёрных плащах. Они не смотрели на приезжих. Они смотрели в пустоту, как смотрят люди, которым велено не терять никого из виду.

— Ван Хорн, — сказал Ван Дейк тихо.

— Я не знаю. Может быть. — Бельский всё ещё держал Мерсье за рукав. — Но они ходят за мной с весны. Они уже были в моей квартире. Обыскали бумаги.

— Вы нашли что-нибудь пропавшим?

— Нет. — Он усмехнулся нервно. — Я всё держал здесь.

Он ткнул пальцем в висок.

Они разместились в доме купца Громова, на окраине, за городским валом: двухэтажном, бревенчатом, с печами в каждой комнате, и Мерсье впервые за многие месяцы почувствовал, как отходят промёрзшие пальцы. Хозяин, степенный старик с бородой по пояс, не задавал вопросов, а только кивал и каждый вечер приносил горячие щи с мясом.

В большой комнате с низким потолком Бельский разложил на столе чертежи.

— Смотрите. — Он водил карандашом по листу бумаги, размашисто, как человек, привыкший работать на ветру. — Вот Таймырский полуостров. Вот северная оконечность Азии, безымянный мыс. Я шесть зим мерил берег от Хатанги до этого мыса, и каждую зиму слышал.

— Где именно? — спросил Торн, склонившись над картой так, что едва не касался её носом.

— Вот здесь. — Бельский показал точку к югу от мыса, в глубине полуострова. — Я назвал это место Поющей горой. Нет, не гора. Холм, возвышение, цепь невысоких каменных гряд, вытянутых с севера на юг. Звук идёт оттуда. Ровно, раз в одиннадцать ударов.

— У вас хронометр?

— Был. Сломался на второй зиме от мороза. Теперь у меня песочные.

Торн, не говоря ни слова, достал из кармана свой хронометр и положил на стол рядом с картой. Бельский долго смотрел на него, потом осторожно, почти благоговейно, дотронулся пальцем до стекла.

— Какой красивый.

— Он ваш, — сказал Торн.

— Нет, что вы...

— Мне не нужно два. Я сделал себе запасной на Яве. — Торн слегка покраснел. — Вам нужнее. Измерите время лунного часа. Мы должны быть на месте за три дня до срока.

— А какой срок?

— Мы не знаем. Нужно считать.

Вечером, когда все разошлись по комнатам, Мерсье остался с Бельским один.

Тот сидел у печки, подогнув под себя длинные ноги, и грел над огнём худые руки. Лицо его в красном отсвете казалось ещё моложе, чем на самом деле.

— Можно задать вопрос? — сказал он.

— Конечно.

— Эта девушка. Хину. Она слышит?

— Слышит.

— Давно?

— Всю жизнь. — Мерсье помолчал. — А вы? Вы слышали сразу?

— На третью зиму. — Бельский не отрывал глаз от огня. — До этого был просто гул. Как ветер в трубе. А потом... — Он запнулся. — Знаете, что страшнее всего?

— Что?

— Что мне не страшно. Я должен был испугаться. Я человек простой, из семьи священника, меня учили, что бывает нечистая сила. Но когда он заговорил, я не испугался. Я заплакал. Я сидел в землянке, один, на краю света, и плакал, потому что мне показалось, что кто-то обо мне вспомнил.

Мерсье не нашёл, что сказать. Только тихо коснулся его плеча.

— Вы теперь не один.

— Знаю. — Бельский улыбнулся мокрой, неловкой улыбкой. — Поэтому и писал.

Ночью Мерсье разбудил стук.

Не одиннадцать ударов, а обычный, человеческий: в дверь, торопливый, глухой. Он вскочил, натянул сапоги, вышел в сени. У двери стоял хозяин с фонарём, в одной рубашке, и лицо его было напряжённым.

— Барин. Тут вас спрашивают.

— Кто?

— Не наш. Нерусский. Говорит, что от господина из Петербурга.

Мерсье отодвинул засов.

На крыльце, под дождём, стоял высокий человек в чёрном плаще с поднятым воротником. Лица его в темноте не было видно, только руку, левую, которую он вытянул вперёд: на ней не хватало трёх пальцев.

— Месье Мерсье, — сказал он тихо, по-французски, с лёгким голландским акцентом. — Позвольте представиться. Моё имя вам знакомо.

— Ван Хорн.

— Он самый. — Человек откинул капюшон. Лицо у него было обожжённое морозом, красное, с белым шрамом через щеку, и один глаз, левый, смотрел мутно и неподвижно. — Я пришёл договориться, пока вы ещё не успели начать.

— О чём?

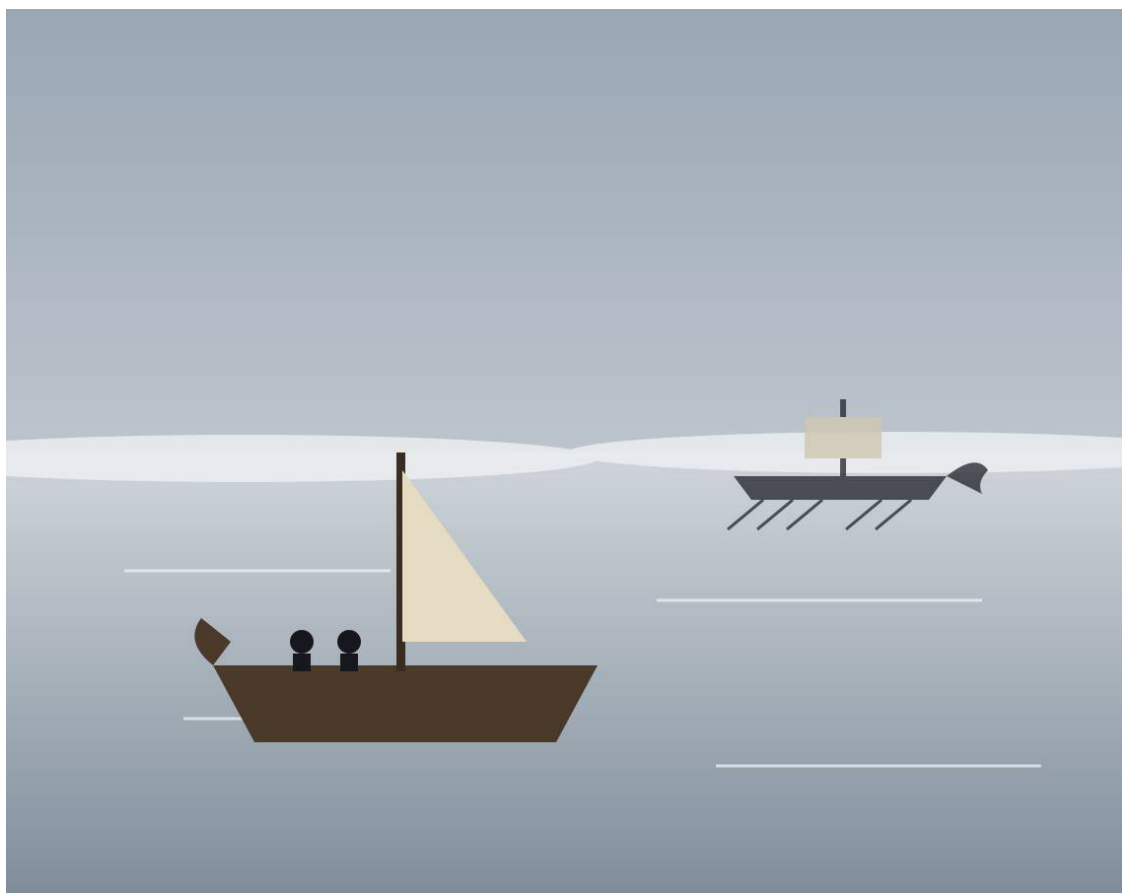
— О последней станции. Она моя.

Дождь лил ему на плечи. Он не двигался. За его спиной, в темноте, угадывались ещё силуэты: пять, шесть, десять.

— У вас есть время до рассвета, — сказал Ван Хорн. — Подумайте.

Он повернулся и ушёл в дождь, не торопясь, ступая тяжело, как человек, привыкший к тому, что дорогу ему уступают.

Глава третья. Белое море

Ответ они дали на рассвете, и дал его Брандт.

Мерсье собрал отряд в большой комнате, едва за окнами посерело. Ван Дейк, Торн, Блэквуд, Хину, Падма, Эдда, Бельский и остальные сидели вокруг стола, не зажигая свечей, и слушали, как Мерсье пересказывает ночной разговор. Когда он дошёл до «последняя станция моя», Брандт, сидевший у окна, чуть подался вперёд.

— Повторите, — сказал он. — Медленно.

Мерсье повернулся к нему и повторил, чётко шевеля губами. Брандт не сводил глаз с его рта. Потом откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

— Он говорил по-голландски?

— По-французски.

— Но думал по-голландски. — Брандт открыл глаза. — Я знаю, как Ван Хорн говорит. Он всегда начинает с «я пришёл договориться». Потом называет цену. А если цена отвергнута, называет другую.

— Какую?

— Вас. — Брандт кивнул на Хину. — Их. Меня.

Хину побледнела и положила ладонь на стол.

— Что ему от меня надо?

— То же, что было нужно всем. Голос. — Брандт говорил ровно, без выражения, и только пальцы его слегка постукивали по колену. — Он слышал о вас от ван Ромондта. Тот перед гибелью написал ему из Рапа-Нуи. Письмо ушло с оказией, в Голландию.

— Ван Ромондт не погиб, — заметила Блэквуд.

— В его понимании погиб. — Брандт пожал плечами. — Он остался на острове сажать картошку. Для человека, который хотел владеть звёздами, это хуже смерти.

— Что нам делать? — спросил Ван Дейк.

Брандт поднялся. Он был ниже ростом, чем большинство мужчин в комнате, но когда он встал, никто не отвёл глаз.

— Уходить, — сказал он. — Сегодня. Сейчас. Пока он думает, что мы будем размышлять.

Выйти из Архангельска открыто было нельзя.

Порт кишел людьми Ван Хорна: Бельский насчитал одиннадцать человек у причалов и ещё семь у городских ворот. Они не прятались. Они стояли открыто, лениво, зная, что никто не посмеет задавать вопросы. В Адмиралтействе у Ван Хорна, как выяснилось, были друзья.

Спас их хозяин дома.

Купец Громов выслушал всё молча, поглаживая бороду, и, когда Мерсье кончил, неспешно встал, подошёл к печи и снял с неё закопчённый горшок.

— Помор вам нужен, — сказал он. — Настоящий.

— Какой помор?

— Те, кто ходит по льдам. Кормщик. Вам нужен кормщик с кочем, а не ваши большие корабли. У них осадка в семь футов, а на ваших пятнадцать. На них в Двину не зайдёшь, а на Белое море выйти только с попутным ветром. — Он кивнул на окно. — А у Фёдора Вавилы коч в двадцати верстах отсюда, в деревне Холмогоры. Он ходил за Каменный Пояс десять раз. Если согласится, не поймают.

— Согласится?

— За золото да, — сказал Громов. — А за правду больше.

Фёдор Вавила оказался человеком, которого Мерсье потом вспоминал всю жизнь.

Ему было под шестьдесят, но он выглядел так, будто его вырубили топором из корабельной сосны: широкоплечий, жилистый, с лицом, изрезанным морщинами, как карта, и светлыми, выпцветшими глазами, которые видели больше, чем вмещала любая человеческая голова. Он сидел на пороге избы, чинил сеть и не поднял головы, когда они подошли.

— Вавила? — спросил Бельский по-русски.

— Допустим.

— Мы ищем кормщика.

— Допустим.

— До Таймыра. Зимой.

Вавила поднял глаза. Он смотрел на них долго, на каждого по очереди, и взгляд его задержался на Хину, на её жёлтой шубе, на босых, несмотря на холод, ногах.

— Таймыр, — повторил он. — Туда не ходят.

— Мы пойдём.

— Знаю, что пойдёте. — Он отложил сеть. — Я слышал.

Мерсье вздрогнул.

— Что?

— То самое. — Вавила встал, медленно, как встают люди, у которых болят колени. — Из-за Камня. С севера. Деды рассказывали, что в тундре есть место, где земля поёт. Мы туда не ходим. Не потому, что боимся. Потому что нельзя.

— Почему нельзя?

— Не знаю. Так говорили. — Он посмотрел на небо, на низкие серые тучи. — А теперь, значит, пора.

— Вы поведёте нас?

— Поведу. — Он пожал плечами. — Только вы мне скажите: этот, с чёрным глазом, он за вами?

— Да.

— Тогда спешить надо.

Они ушли в ту же ночь.

Коч оказался небольшим, широким, неуклюжим судном с одной мачтой и косым парусом, но Вавила вёл его так, словно плыл по собственному двору. Они вышли из устья Двины в темноте, без огней, на веслах, обогнув Двинской Бар на самом верху прилива. Эдда, стоявшая рядом с кормщиком, не сказала ни слова, но Мерсье видел, как она смотрит: с уважением, почти с завистью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.